

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии

По материалам ежегодной Международной
конференции «Диалог» (2015)

Выпуск 14

В двух томах

Том 1. Основная программа конференции

Computational Linguistics and Intellectual Technologies

Papers from the Annual International
Conference "Dialogue" (2015)

Issue 14

Volume 1 of 2. Main conference program

УДК 80/81; 004
ББК 81.1
К63

Программный комитет конференции выражает
искреннюю благодарность Российскому фонду
фундаментальных исследований за финансовую поддержку,
грант № 15-07-20554 Г

Редакционная
коллегия:

*В. П. Селегей (главный редактор), А. В. Байтин,
В. И. Беликов, И. М. Богуславский, Б. В. Добров,
Д. О. Добровольский, Л. М. Захаров, Л. Л. Йомдин,
И. М. Кобозева, Е. Б. Козеренко, М. А. Кронгауз,
Н. И. Лауфер, Н. В. Лукашевич, Д. Маккарти, Й. Нивре,
Г. С. Осипов, В. Раскин, Э. Хови, С. А. Шаров, Т. Е. Янко*

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). Вып. 14 (21): В 2 т. Т. 1: Основная программа конференции. — М.: Изд-во РГГУ, 2015.

Сборник включает 69 докладов международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2015», представляющих широкий спектр теоретических и прикладных исследований в области описания естественного языка, моделирования языковых процессов, создания практически применимых компьютерных лингвистических технологий.

Для специалистов в области теоретической и прикладной лингвистики и интеллектуальных технологий.

© Редколлегия сборника «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии» (составитель), 2015

СПРАВЕДЛИВОСТЬ VERSUS НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ: МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ)

Баранов А. Н. (Baranov_anatoly@hotmail.com)

Институт русского языка им. В. В. Виноградова
РАН, Москва, Россия

JUSTICE VERSUS INJUSTICE: METAPHORICAL INTERPRETATIONS IN MODERN RUSSIAN DISCOURSE (THROUGH TEXTCORPUS OF PRINT MEDIA)

Baranov A. N. (Baranov_anatoly@hotmail.com)

Institute of Russian Language RAS (Vinogradov's institute),
Moscow, Russia

In the paper words *spravedlivost'* (justice) and *nespravedlivost'* (injustice) in Russian and their corresponding concepts are considered. It is shown that formally words *spravedlivost'* and *nespravedlivost'* are antonyms, because morphologically they differ only in morpheme *ne-* ("no"). But their meanings differ in a more complicated way. Word *spravedlivost'* has an abstract meaning, it denotes a value category. At the meantime extensional set of the word *nespravedlivost'* is another one: it is used for denoting of wide range of situations where features of justice as a value concept are violated. For this reason words *spravedlivost'* de facto is singularia tantum: it has not plural. At the same time the word *nespravedlivost'* (injustice) has in Russian speech bide forms: singular, as well as plural.

Differences in semantics between two words under consideration become apparent in metaphorical models which are used by speakers in interpretation of justice an injustice in Russian public discourse, model of which is text corpus of print media.

Key words: justice, metaphorical model, value category, cognitive approach, descriptor theory of metaphors, metaphorical interpretation

1. Теоретические основания исследования и характер корпусного эксперимента

В ряде исследований слова *справедливость* было показано, что для исследования его семантики и связанной с ним понятийной категории «справедливость»¹ необходимо привлечение дополнительной информации о его функционировании в дискурсе [Baranov 1998], а также о парадигматических связях с другими аналогичными категориями — в частности, со словом *равенство* и соответствующим концептом [Баранов 1990; Baranov 1994]. В данной работе речь пойдет о метафорических осмыслениях концепта «справедливость» в текстах современных российских газет и журналов, а также о тех следствиях, которые влекут выявленные осмысления для семантики слова *справедливость* и связанного с ним концепта.

Для классификации и сбора данных об использованных метафорических моделях привлекался аппарат дескрипторной теории метафоры, в которой контекст употребления метафоры описывается как множество кортежей сигнификативных и денотативных дескрипторов, представляющих, соответственно, область источника и область цели метафорической проекции [Баранов 2014]. Так, метафора *война законов* представляется в дескрипторной теории метафоры в виде двухэлементного множества следующего типа: {<война>, <законодательская деятельность; законодательство>}. Первый дескриптор — «война» — является сигнификативным, а вторые два — «законодательская деятельность», «законодательство» — денотативными.

В качестве источника контекстов метафорического осмысления справедливости использовался корпус Современной русской публицистики, объемом 29 млн словоупотреблений². Всего было выявлено 1550 контекстов употребления слова *справедливость*, причем метафорических осмыслений оказалось 344. Контексты метафорического осмысления были кодированы на языке сигнификативных дескрипторов и введены в компьютерную базу данных, что дало возможность провести анализ частоты употребления метафорических моделей в дискурсе.

Кроме того, анализ справедливости был дополнен аналогичным исследованием слова *несправедливость* и соответствующего концепта. Всего было выявлено 268 контекстов употребления слова *несправедливость*, причем 71 контекст оказался метафорическим осмыслением феномена «несправедливости».

2. Справедливость versus несправедливость

По имеющимся словарным источникам значения слова *справедливость* никак не зависят от грамматических характеристик его словоформ [МАС], [Шведова 2007]. Более того, не налагается никаких ограничений на реализацию

¹ Здесь и далее когнитивные категории, концепты, понятия маркируются «елочками» или не выделяются никак, если это понятно из контекста. Слова естественного языка и примеры даются курсивом.

² Описание основных особенностей корпуса см. в [Баранов, Добровольский, Киселева, Козеренко 2007].

грамматических категорий. Между тем, в полученной из корпуса выборке на слово *справедливость* содержится 344 контекста использования метафор, причем ни в одном из контекстов не реализуется множественное число. Ср., например, некоторые характерные примеры: *На этот раз торжества **справедливости** придется подождать. [Итоги]; Конечно, победа **справедливости** всегда радость. Но она — с таким привкусом горечи! [Известия]*. Аналогичная ситуация обнаруживается и для контекстов, в которых отсутствуют метафорические осмысления. Тем самым, множественное число для слова *справедливость* нехарактерно. Следовательно, лексема *справедливость*, как и большинство слов с абстрактным значением, принадлежит к формам *singularia tantum*.

Лексема *несправедливость*, непосредственно связанная со словом *справедливость*, формально выглядящая как ее антоним, существенно отличается от слова *справедливость* как по грамматике, так и по значению. Последнее во все не антонимично *справедливости*, как это можно было бы предположить по данным словарей. Действительно, первое значение слова *несправедливость* отсылает к семантике прилагательного *несправедливый* [МАС]. В свою очередь, первое значение прилагательного *несправедливый* отсылает к справедливости с отрицанием: ‘поступающий вопреки справедливости, нарушающий справедливость’ [МАС], ‘лишённый чувства справедливости, противоречащий справедливости’ [Шведова 2007]. Таким образом, получается, что *несправедливость* — это антоним к слову *справедливость*.

Исследование контекстов употребления слов *справедливость* и *несправедливость* показывает, что в реальном дискурсе они не антонимы. Так, в отличие от формы *справедливость*, слово *несправедливость* широко используется во множественном числе. Всего в корпусе Современной русской публицистики выявлено 268 контекстов употребления слова *несправедливость*, причем 39 контекстов — употребления во множественном числе (*список несправедливостей; начала несправедливостей — драм и трагедий; ряд несправедливостей*).

Анализ контекстов употребления рассматриваемых лексем показывает, что слово *справедливость* в основном используется в значении ценностной категории (‘свойства, характеристики ситуации, соответствующие представлениям об истине и законе — точнее, правде’ [МАС]). Именно поэтому множественное число данного слова неупотребительно. Для слова *несправедливость* образование множественного числа регулярно, поскольку оно используется в контекстах другой семантики: оно указывает на ситуации нарушения тех или иных норм, правил, представлений о должном, истинном, правильном и т. п.:

*Руководители Союза приводят примеры всяких **несправедливостей**: вот закрыли «Неделю» — 36 человек оказались на улице. [Московские новости];*

Имущественный водораздел у очень многих способных, но небогатых людей из провинции вообще отсекает возможность приехать в столицу на вступительные экзамены. А ведь по окраинам талантливых ребят несколько не меньше, чем в Москве и Петербурге.

Почему бы не объединить усилия с факультетом, чтобы хоть как-то противостоять этой несправедливости? [Новая газета]

Есть у меня странное ощущение несправедливости природы: папа прожил 55 лет, Толя 62 года. Почти 8 лет разницы. [Огонек]

В приведенных примерах несправедливость конкретна: закрытие газеты «Неделя» и увольнение сотрудников, сложность поступления в университеты школьников из провинции, уход из жизни людей в разном возрасте и пр. Иными словами, слово *справедливость* относится к ценностным категориям — оно более «идеологично», а *несправедливость* — более конкретно, как правило, референтно и относится к конкретным ситуациям нарушения тех или иных правил, законов, установлений, моральных норм и пр. Именно поэтому слова *справедливость* и *несправедливость* **не антонимы**, а лежащие за ними понятия — концепты — не противопоставлены друг другу — они иные, причем «инаковость» не формирует контрарную оппозицию в духе «А versus не А».

Асимметричность семантики слов *справедливость* и *несправедливость* и лежащих за ними понятий проявляется и на уровне метафоричности — метафорических осмыслений, выявленных в представительном корпусе текстов СМИ.

3. Справедливость: метафорические модели и профилируемые смыслы

Распределение сигнификативных дескрипторов по 344 контекстам метафорического осмысления концепта «справедливость» покрывается сравнительно небольшим количеством метафорических моделей. Если ограничить «снизу» частоту дескрипторов пятью вхождениями, то получается следующий набор метафор (сигнификативных дескрипторов):

Таблица 1. Сигнификативные дескрипторы метафор концепта «справедливость» (с частотой 5 и более)

строение/строительство[] ³	148	пункт назначения	16
персонификация[]	134	чел-пациенс[]	12
чел-торжествующий	73	высшее существо	10
объект-предмет[]	28	ресурс	9
чел-агенс[]	24	чел-царствующий	8
пространство() ⁴	21	феодализм()	7
движение()	19	чел-требующий	6

³ Здесь и далее квадратные скобки [] указывают на то, что в данном дескрипторе объединены видовые и родовые дескрипторы. Объединение первых и вторых в данном варианте исследования несущественно.

⁴ Здесь и далее круглые скобки () указывают на родовой статус соответствующего дескриптора.

И таблицы 1 видно, что наиболее частотные метафорические модели, используемые для осмысления концепта «справедливость», — это строительство (вместе с метафорой СТРОЕНИЕ) и персонификация. Высокая частота метафоры строительства объясняется слабоидиоматичным оборотом (коллокацией) *восстановить справедливость*. 142 из 148 контекстов употребления приходится на примеры использования данного выражения, причем в этих контекстах метафора строительства относится к стертым метафорам, то есть к устойчивой метафорике, используемой, преимущественно, в фоновом режиме [Баранов 2014]. Широкое использование выражения *восстановить/восстановление справедливости* указывает на то, что ситуация справедливости в наивном языковом сознании рассматривается как нормальное состояние мира.

Контексты использования метафоры персонификации, несколько уступающие в количественном отношении метафоре строительства (134 против 148), существенно более разнообразны. Наибольшее количество приходится на осмысление справедливости как человека, находящегося в психическом состоянии торжества («чел-торжествующий»). Примеры данного типа связаны с фразеологизмом (коллокацией) *торжество справедливости*: *торжества справедливости придется подождать, справедливость рано или поздно восторжествует*. В контекстах рассматриваемого типа коммуникативно высвечивается идея реализации ситуации, соответствующей представлениям о справедливости.

Метафора высшего существа в ряде контекстов позволяет провести рефрейминг: приравнять справедливость другому понятию, значимость которого в обсуждаемой ситуации, с точки зрения говорящего, оказывается выше:

Он, этот солдат революции, преисполнен уверенности в справедливости, в высшей справедливости возмездия, которое наступает женщине! [Огонек];

Удивительно, но мне нисколько не жаль негодяя, который готовил взрыв на дороге. Когда я замкнул провода и террорист кровавыми кусками взлетел выше деревьев — в этом была высшая справедливость. [Московский комсомолец];

Сталинизм не с неба к нам свалился, это мы с вами растаскивали по домам жалкие пожитки «раскулаченных», если не рукоплескали, то отмалчивались на собраниях, решавших судьбы людей, провозглашали насилие высшей справедливостью. [Московские новости].

Сама возможность рефрейминга справедливости указывает на когнитивную важность этой категории в общественном сознании, а также на ее потенциал использования в политической аргументации.

Среди метафор персонификации, в рамках которых осмысляется понятие «справедливости», четко противопоставлены агенсные и пациенсные

метафорические проекции. Так, в агенсных проекциях справедливость преследует, наносит удары, требует и т.п.: *от закона уйти можно, а от справедливости — нет; держать удар судьбы и справедливости; справедливость требует признать; историческая справедливость диктует.*

Агенсных осмыслений — 24, а пациенсных — только 11. Типичный контекст реализации пациенсных осмыслений — устойчивое словосочетание *поруганная справедливость*. В пациенсных осмыслениях профилируется смысл несправедливости ситуации. Для профилирования указанного смысла используются и другие метафоры, также относящиеся к пациенсным: заложница (*когда справедливость становится ограниченной, тогда она сама превращается в заложницу*), жертва убийства (*У военных прокуроров и судей сейчас задача найти виновных, определить статью, применить закон. Но дай им Бог при этом не убить справедливость*), защищаемый человек (*Это просто счастье: быть вместе, ощущать себя великой страной, ощущать себя на хорошей стороне, защитниками морали, справедливости и братства*).

ПРЕДМЕТНАЯ метафора (ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ) по частоте существенно отличается от персонификации и метафоры строительства: 28 примеров против 148 контекстов метафорической модели строения/строительства и 134 контекстов использования метафоры персонификации. Предметное осмысление существенно более разнообразно в профилировании различных смыслов, чем метафора персонификации и строительства. так, объект-предмет в пространстве может рассматриваться с разных сторон, что позволяет коммуникативно высвечивать различные аспекты ситуации и самого феномена справедливости (*Какая же это справедливость, если она повернута в одну сторону*), а также указывать на сравнительную значимость тех или иных ценностей, осуществляя рефрейминг (*И любовь все так же выше закона. И милосердие выше справедливости*). Предметность дает возможность осмыслять справедливость и как ресурс: *припасти справедливость, кусочек справедливости, справедливость — самый ходовой политический товар*.

Близко к ресурсной семантике осмысление справедливости как пищи: *хочется то ли Конституции с хреном, то ли севрюжины с социальной справедливостью; насытиться справедливостью*.

Внутренняя структура объекта-предмета передает сложность и неоднородность феномена справедливости:

Понятие справедливости многослойно, многозначно [Огонек].

Метафоры пространства и движения в представленном корпусе примеров реализуются почти исключительно как фоновые при осмыслении справедливости как пункта назначения: *прорыв к справедливости, прийти к справедливости, переход к социальной справедливости, искать пути к согласию и справедливости, объявить курс на социальную справедливость, курс на правовой порядок и социальную справедливость*. Иногда метафоры пространства и движения указывают на неуспешность выбранного способа действия: *тупик социальной справедливости*.

4. Несправедливость: метафорические модели и профилируемые смыслы

Всего для слова *несправедливость* в имеющемся корпусе российских СМИ зафиксирован 71 контекст осмысления в терминах метафор. Состав сигнификативных дескрипторов метафорических моделей, используемых по отношению к понятию «несправедливости», представлен в Таблице 2.

Таблица 2. Сигнификативные дескрипторы метафор концепта «несправедливость» (с частотой 5 и более)

персонификация()	33	ситуация-событие	9
материальная сущность()	22	ограничитель()	8
объект-предмет[]	17	чел-кричащий	7
чел-агенси[]	11	чел-входящий	6
пространство()	10	препятствие	5

Наибольшую частоту имеет метафорическая модель персонификации. Треть употреблений этой метафорической модели приходится на метафорические осмысления, в которых «несправедливость» выступает в роли активного действующего лица, которое гонит человека (*именно она, гонимая болью несправедливостей, каждый день, как на работу, ходит по всевозможным правоохранительным инстанциям*), делает человека жертвой (*стал жертвой политической несправедливости; жертва несправедливости Патаркацишвили не оставил завещания*), причиняет ему боль (*несправедливость причиняет мне боль*), задевает человека (*брата сильно задела социальная несправедливость*), угнетает (*освободиться от гнета несправедливости*). Пациентные осмысления для «несправедливости» отсутствуют.

Второе-третье места делят метафоры материальная сущность и объект-предмет (22 и 16 соответственно). Метафора объекта-предмета входит как часть в метафору материальная сущность. В целом эта метафорическая модель профилирует семантику рационального взаимодействия с феноменом «несправедливости», позволяя его измерять (*большие и маленькие несправедливости имеют свойство прорасти «гроздьями гнева»*), указывать на возможность его воспроизводства (*конвейер военной несправедливости*).

Значительная часть употреблений в рамках метафоры объекта-предмета связана с профилированием смысла 'ограничения, затруднения, осложнения действий субъекта': *свинцовое бремя несправедливости; нести крест несправедливости; столкнуться с несправедливостью; отягощен преступлениями и несправедливостями*.

Метафора материальной сущности в рассматриваемом корпусе осмыслений «несправедливости» в целом менее определена по семантике. Это может быть и профилирование смысла 'количества' (*ряд несправедливостей*), 'измерения' (*доля несправедливости*), 'негативных свойств' (*жгучая несправедливость; ощущаемая несправедливость*), 'сложности решения проблемы' (*замкнутое кольцо несправедливости*), 'значимости' (*мы оба знаем цену этой несправедливости*).

Дескриптор «ситуация-событие» маркирует в базе данных не столько метафору, сколько родовое наименование некоторого значения: указание на реальное или гипотетическое событие (ситуацию):

*Руководители Союза приводят **примеры всяких несправедливостей**: вот закрыли «Неделю» — 36 человек оказались на улице. [Московские новости];*

*А все остальные тысяча пятьсот — не напишут. И вот этого одного человека писанину будут где-то там выбирать, это будет двигаться... и так далее. Вы представляете, **какая несправедливость происходит**. Ну ладно. [Огонек];*

*Если вдуматься, то наши критические выступления по **конкретным несправедливостям** говорят о том же самом. [Упсальский корпус СМИ]*

В приведенных примерах обсуждаются ситуации, которые характеризуются говорящим как несправедливые. Данный тип употребления совершенно нехарактерен для слова *справедливость*.

5. Справедливость versus несправедливость: сравнение метафорических осмыслений

Как было показано выше, слова *справедливость* и *несправедливость* не *антонимы*, а лежащие за ними понятия — концепты — не противопоставлены друг другу. Слово *справедливость* передает семантику ценностной категории: оно более «идеологично», а семантика слова *несправедливость* более конкретна и, как правило, относится к конкретным ситуациям нарушения тех или иных правил, законов, установлений, моральных норм и пр. Легко видеть, что асимметричность семантики слов *справедливость* и *несправедливость* и лежащих за ними понятий проявляется и на уровне метафорики.

Самой частотной метафорой для феномена *справедливости* является метафора СТРОЕНИЯ/СТРОИТЕЛЬСТВА, а для феномена *несправедливости* — метафора ПЕРСониФИКАЦИИ. Метафора СТРОЕНИЯ/СТРОИТЕЛЬСТВА реализуется в устойчивом выражении (коллокации) *восстановить справедливость*, которое указывает на то, что **справедливость с точки зрения русского наивного языкового сознания является естественной характеристикой мира**. Действия человека в рамках этой ценности рассматриваются с точки зрения возврата в исходное состояние справедливости или нарушения этого состояния. Таким образом, **феномен несправедливости с точки зрения языкового сознания вторичен**.

Для концепта «несправедливости» самой частотной метафорой оказывается ПЕРСониФИКАЦИЯ. значительная часть употреблений приходится на агентное осмысление этого понятия, причем персонифицированная несправедливость творит что-то плохое: гонит человека, делает его жертвой, причиняет боль, угнетает и т.п. Персонифицированная справедливость (вторая по частоте

метафора при осмыслении справедливости) торжествует в одних ситуациях, требует, диктует — в других, побеждает в третьих и т.д.

Пациентские характеристики в метафорике справедливости представлены в меньшей степени, хотя справедливость может быть и поруганной, и униженной, она может стать заложницей, жертвой и пр. Таким образом, профилирование свойств метафорами персонификации при осмыслении справедливости и несправедливости вполне объясняется значениями соответствующих слов. Исключением можно считать только метафорическую модель высшего существа, позволяющую при метафорическом осмыслении справедливости провести рефрейминг прежнего концепта, изменив его почти до неузнаваемости — в духе оруэлловских упражнений в «новоязе» (ср. *провозгласить насилие высшей справедливостью*).

Наиболее рациональные осмысления феноменов справедливости и несправедливости обеспечиваются метафорой материальной сущности и ее подвидом — объекта-предмета. В случае несправедливости эта метафора дает возможность измерять несправедливость (*верх несправедливости; большие и маленькие несправедливости, доля несправедливости*), давать ей количественное выражение (*ряд несправедливостей*), указывать на проблемы, которые с нею связаны (БРЕМЯ, НЕСОМЫЙ КРЕСТ, ПРЕПЯТСТВИЕ, ОТЯГОЩАЮЩИЙ ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ). Довольно разнообразна по профилируемым свойствам в осмыслении феномена справедливости метафора объекта-предмета. Она позволяет рассматривать справедливость как РЕСУРС (*припасать справедливость, справедливость как ходовой товар*), как пищу (*насытиться справедливостью*), отразить сложность устройства этого концепта (*понятие справедливости многослойно*).

Отметим, что индексы метафоричности обеих рассмотренных категорий очень похожи. Действительно, на 29 млн словоупотреблений корпуса Современной русской публицистики выявлено 1550 контекстов употребления слова *справедливость*, из которых 344 употребления метафорических и 1206 — неметафорических, то есть на одно метафорическое употребление приходится 3,5 неметафорических. Форма *несправедливость* используется в данном корпусе 268 раз, причем 71 контекст является метафорическим осмыслением феномена несправедливости. Тем самым, одному метафорическому контексту соответствует 3,8 неметафорических контекста. Когнитивная теория метафоры утверждает, что чем выше количество метафорических осмыслений понятия, тем оно более важно для общественного сознания. В данном случае и категория справедливости и категория несправедливости имеют очень близкий коэффициент метафоричности: 3,5 и 3,8 соответственно. Таким образом, с когнитивной точки зрения степени значимости и конфликтности этих категорий в общественном сознании (в том виде, в котором оно отражается в СМИ) сходны, если не идентичны.

6. Заключение

Как мы видим, степень метафоричности дискурса о справедливости (и несправедливости) довольно велика. В ранее проведенном исследовании концепта коррупции по аналогичному корпусу СМИ было выявлено 1760

употреблений слова *коррупция*, из которых только 150 употреблений являлись метафорическими [Баранов 2005]. Иными словами, на одно метафорическое употребление пришлось 11,7 неметафорических. **Дискурс о справедливости почти в три раза более метафоричен (3,5 и 3,8), чем дискурс о коррупции. Это указывает на его значимость для общественного сознания.** Данный вывод дополнительно подтверждается исследованием функций ценности «справедливость» в политической аргументации [Баранов 1990].

Довольно странно, что сигнификативное разнообразие обоих рассмотренных концептов невелико. Параметр сигнификативного разнообразия указывает на количество метафорических моделей, используемых при осмыслении исследуемого концепта: «**сигнификативное разнообразие**» целевой области, определяется как отношение числа различных сигнификативных дескрипторов в данной целевой области к числу различных денотативных [Баранов 2014: 140; 466–468]. Поскольку в данном случае концепт (и соответственно денотативный дескриптор) один — справедливость (resp. несправедливость), — то сигнификативное разнообразие определяется количеством метафорических моделей. Если учесть вхождение видовых сигнификативных дескрипторов в родовые (см. таблицу 1 и 2), то для метафорического осмысления справедливости используется семь метафорических моделей (СТРОЕНИЕ/СТРОИТЕЛЬСТВО, ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, ОБЪЕКТ-ПРЕДМЕТ, РЕСУРС, ПРОСТРАНСТВО, ДВИЖЕНИЕ, ФЕОДАЛИЗМ), а для несправедливости — четыре (ПЕРСОНИФИКАЦИЯ, МАТЕРИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ, ПРОСТРАНСТВО, ОГРАНИЧИТЕЛЬ). Объяснение этому можно видеть в том, что большинство выявленных метафорических осмыслений реализуются стертыми (конвенциональными) метафорами. Разумеется, это в определенной степени снижает конфликтность дискурса, которую можно было бы характеризовать по значениям параметра метафоричности как очень высокую. Иными словами, значимость справедливости-несправедливости велика, феномен занимает важное место в ценностной иерархии общества и каждого его члена, но общество в целом притерпелось к реальным ситуациям частого несоответствия идеала актуальному состоянию мира.

Выявленные метафорические осмысления подтверждают анализ семантики справедливости и несправедливости: это не противопоставленные категории, а соответствующие слова не антонимы. При этом справедливость и несправедливость — разные сущности: первая является ценностной категорией, абстрактным понятием, а вторая, скорее, обозначением реальной или виртуальной ситуации, ее свойств.

Литература

1. Баранов А. Н. Политическая аргументация и ценностные структуры общественного сознания // Язык и социальное познание, М., 1990.
2. Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания, 2003, № 2.
3. Баранов А. Н. Метафорические модели как дискурсивные практики // Известия АН. Сер. литературы и языка, 2004, том 63, № 1.

4. Баранов А. Н. Феномен коррупции в метафорах двух дискурсов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2005. М., 2005.
5. Баранов А. Н. Дескрипторная теория метафоры. М., 2014.
6. Баранов А. Н., Добровольский Д. О., Киселева К. Л., Козеренко А. Д. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики. М.: Аванта+, 2007.
7. МАС — Словарь русского языка в 4-х тт. / под ред. Евгеньевой А. П. М., 1985–1988 [«Малый академический словарь»].
8. Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 2007.
9. Baranov A. N. Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts // P. A. Chilton, M. V. Ilyin, J. L. Mey (eds.) *Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991*, Amsterdam/Philadelphia, 1998, p. 131–145.

References

1. Baranov A. N. (1990), Political argumentation and value structures of social consciousness [Politicheskaya argumentatsiya i sennostnyye sructury obshchestvennogo soznaniya], *Language and social cognition [Yazyk i sotsialnoye poznanie]*, Nauka, Moscow.
2. Baranov A. N. (2003), About types of metaphor combinations [O tipakh sochetayemosti metaforicheskikh modeley], *Questions of linguistics [Voprosy yazykoznanija]*, № 2, pp. 73–94.
3. Baranov A. N. (2004), Metaphorical models as discursive practices [Metaforicheskiye modeli kak diskursivnyye praktiki], *Proceeding of RAS. Series of literature and language [Izvestiya Akademii Nauk, seriya literatury i yazyka]*, Vol. 63, № 1.
4. Baranov A. N. (2005), Phenomenon of corruption in metaphors of two discourses [Fenomen korrupsii v metaforah dvukh diskursov], *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference “Dialog 2005” [Komp’yuternaya Lingvistika i Intellektual’nye Tekhnologii: Trudy Mezhdunarodnoy Konferentsii “Dialog 2005”]*, Bekasovo, pp. 56–62.
5. Baranov A. N. (2014), Descriptor theory of metaphor [Deskriptornaya teoriya metafory]. *Languages of Slavic cultures*, Moscow.
6. Baranov A. N., Dobrovolskiy D.O., Kiseleva K. L., Kozerenko A. D. (2007), *Dictionary-thesaurus of modern Russian idioms [Slovar’-tezaurus sovremennoy russkoy idiomatiki]*. Avanta+, Moscow.
7. МАС — *Dictionary of Russian Language in 4 volumes [Slovar’ russkogo jazyka v 4-kh tomakh]* (1985–1988), Russian Language, Moscow.
8. *Dictionary of Russian Language including information about etymology ed. by N. Yu. Shvedova [Tolkovyy slovar’ russkogo jazyka s vklyucheniym svedeniy o proishozhdenii slov]* (2007), Azbukovnik, Moscow.
9. Baranov A. N. (1998), *Justice, Equality and Freedom: The Structure of Value Concepts, Political Discourse in Transition in Europe 1989–1991*, Amsterdam/Philadelphia, pp. 131–145.

Авторский указатель

- Аванесов В. т. 2: 34
Адаскина Ю. В. т. 2: 1
Акинина Ю. С. т. 1: 41
Алимова И. С. т. 2: 22
Андреев И. т. 2: 133
Андрианов И. т. 2: 34
Антонова А. т. 1: 548
Апресян В. Ю. т. 1: 2
Арефьев Н. В. т. 2: 105
Астраханцев Н. т. 2: 34
Баранов А. Н. т. 1: 19
Бергельсон М. Б. т. 1: 41
Бердичевский А. т. 1: 30
Блинов П. Д. т. 2: 2
Богуславский И. М. т. 1: 61
Бонч-Осмоловская А. А. т. 1: 80
Браславский П. И. т. 1: 254
Вепрева И. Т. т. 1: 453
Вилинбахова Е. Л. т. 1: 626
Вишнёва Е. А. т. 1: 560
Галицкий Б. А. т. 1: 141
Галяшина Е. И. т. 1: 156
Гаращук Р. В. т. 1: 169
Гончарова М. Б. т. 1: 169
Гришина Е. А. т. 1: 183
Грозин В. А. т. 1: 202
Гусарова Н. Ф. т. 1: 202
Даниэль М. А. т. 1: 95
Диконов В. Г. т. 1: 61
Добренко Н. В. т. 1: 202
Добровольский Д. О. т. 1: 104
Добрушина Н. Р. т. 1: 118
Драгой О. В. т. 1: 41
Загулова М. А. т. 2: 65
Зализняк Анна А. т. 1: 683
Захаров В. П. т. 1: 667
Зинина А. А. т. 1: 308
Иванов В. В. т. 2: 2, 22, 65
Иомдин Б. Л. т. 1: 214
Иомдин Л. Л. т. 1: 61
Искра Е. В. т. 1: 41
Карпов А. А. т. 1: 240
Калинина М. В. т. 2: 44
Кашкин Е. В. т. 1: 426
Кибрик А. А. т. 1: 231, 487
Кипяткова И. С. т. 1: 240
Киселева К. Л. т. 1: 272
Киселёв Ю. А. т. 1: 254
Клячко Е. т. 2: 119
Князев С. В. т. 1: 284
Козлов И. т. 2: 34
Козлова Е. А. т. 1: 169
Константинова Н. т. 2: 88
Коротаев Н. А. т. 1: 294
Котельников Е. В. т. 2: 2
Котов А. А. т. 1: 308
Крейдлин Г. Е. т. 1: 321
Кривнова О. Ф. т. 1: 338
Крижановская Н. Б. т. 1: 254
Крижановский А. А. т. 1: 254
Крылова Т. В. т. 1: 352
Кудинов М. т. 1: 369
Кузьменко Е. А. т. 1: 388
Кустова Г. И. т. 1: 376
Кутузов А. т. 2: 133
Лазурский А. В. т. 1: 61
Левонтина И. Б. т. 1: 104
Лесота О. О. т. 2: 105
Лобанов Б. М. т. 1: 414
Лопухина А. А. т. 2: 145
Лопухин К. А. т. 2: 145
Луканин А. В. т. 2: 105
Лукашевич Н. В. т. 2: 2, 88
Лютикова Е. А. т. 1: 696
Ляшевская О. Н. т. 1: 426
Майоров В. т. 2: 34
Малафеев А. Ю. т. 1: 441
Малых В. А. т. 2: 65
Мейер К. М. т. 2: 88
Меньшиков И. Л. т. 1: 254
Мингазов Н. Р. т. 2: 22
Мисюрев А. т. 1: 548
Музычка С. т. 1: 468
Мустайоки А. т. 1: 453
Мустакимова Э. Г. т. 1: 388
Мухин М. Ю. т. 1: 254

Николаева Ю. В.	т. 1: 487	Сизов В. Г.	т. 1: 61
Нин Тао	т. 1: 202	Смирнов И. В.	т. 1: 560
Носырев Г. В.	т. 2: 145	Тарасов Д. С.	т. 1: 595, т. 2: 53
Падучева Е. В.	т. 1: 500	Татевосов С. Г.	т. 1: 272
Паничева П. В.	т. 2: 1	Тимошенко С. П.	т. 1: 61
Панченко А. И.	т. 2: 88, 105	Турдаков Д.	т. 2: 34
Паперно Д.	т. 2: 88	Тутубалина Е. В.	т. 2: 2, 22, 65
Пасюков А. В.	т. 1: 169	Урысон Е. В.	т. 1: 603
Плешко В. В.	т. 2: 44	Усталов Д. А.	т. 1: 616, т. 2: 88
Пионтковская И.	т. 1: 369, 468	Федорова О. В.	т. 1: 131, 487
Пиперски А. Ч.	т. 1: 515	Хесед Л. А.	т. 1: 321
Подлеская В. И.	т. 1: 523	Худякова М. В.	т. 1: 41
Поляков П. Ю.	т. 2: 44	Циммерлинг А. В.	т. 1: 696
Попов А. М.	т. 2: 1	Шелманов А. О.	т. 1: 560
Протопопова Е.	т. 1: 548	Шмелев А. Д.	т. 1: 584
Романов П. В.	т. 2: 105	Экхофф Х.	т. 1: 30
Рубцова Ю. В.	т. 2: 2	Яковлева И. В.	т. 1: 638
Селегей В. П.	т. 1: 169	Янко Т. Е.	т. 1: 650

Author's Index

- Adaskina Yu. V. v. 2: 1
Akinina Yu. S. v. 1: 41
Alimova I. S. v. 2: 22
Andreev I. v. 2: 133
Andrianov I. v. 2: 34
Antonova A. v. 1: 548
Apresjan V. Ju. v. 1: 2
Arefyev N. V. v. 2: 106
Astrakhantsev N. v. 2: 34
Avanesov V. v. 2: 34
Baranov A. N. v. 1: 19
Berdičevskis A. v. 1: 30
Bergelson M. B. v. 1: 41
Blinov P. D. v. 2: 3, 12
Bogdanov A. V. v. 1: 52
Boguslavsky I. M. v. 1: 62
Bonch-Osmolovskaya A. A. v. 1: 80
Braslavski P. I. v. 1: 254
Daniel M. A. v. 1: 95
Denisenko A. A. v. 2: 76
Dikonov V. G. v. 1: 62
Dobrenko N. V. v. 1: 202
Dobvol'enskij D. O. v. 1: 104
Dobrushina N. R. v. 1: 118
Dragoy O. V. v. 1: 41
Eckhoff H. v. 1: 30
Fedorova O. V. v. 1: 131, 488
Galitsky B. A. v. 1: 141
Galyashina E. I. v. 1: 156
Garashchuk R. V. v. 1: 169
Goncharova M. B. v. 1: 169
Gorbunova I. M. v. 1: 52
Grishina E. A. v. 1: 183
Grozin V. A. v. 1: 202
Gusarova N. F. v. 1: 202
Iomdin B. L. v. 1: 214
Iomdin L. L. v. 1: 62
Iskra E. V. v. 1: 41
Ivanov V. V. v. 2: 3, 22, 65
Kalinina M. V. v. 2: 44
Karpov A. A. v. 1: 241
Kashkin E. V. v. 1: 427
Katinskaya A. Y. v. 1: 398
Khesed L. A. v. 1: 321
Khudyakova M. V. v. 1: 41
Kibrik A. A. v. 1: 231, 488
Kipyatkova I. S. v. 1: 241
Kiselev Y. A. v. 1: 254
Kisseleva X. L. v. 1: 272
Klyachko E. v. 2: 119, 159
Knyazev S. V. v. 1: 284
Konstantinova N. v. 2: 89
Korotaev N. A. v. 1: 294
Kotelnikov E. V. v. 2: 3, 12
Kotov A. A. v. 1: 308
Kozlov I. v. 2: 34
Kozlova E. A. v. 1: 169
Kreydlin G. E. v. 1: 321
Krivnova O. F. v. 1: 338
Krizhanovskaya N. B. v. 1: 254
Krizhanovsky A. A. v. 1: 254
Krylova T. V. v. 1: 352
Kudinov M. v. 1: 369
Kustova G. I. v. 1: 376
Kutuzov A. v. 2: 133
Kuzmenko E. A. v. 1: 388
Lagutin M. B. v. 1: 398
Lazursky A. V. v. 1: 62
Levontina I. B. v. 1: 104
Lesota O. O. v. 2: 106
Lobanov B. M. v. 1: 414
Lopukhina A. A. v. 2: 145
Lopukhin K. A. v. 2: 145
Loukachevitch N. V. v. 2: 3
Loukachevitch N. V. v. 2: 89
Lukanin A. V. v. 2: 106
Lyashevskaya O. N. v. 1: 427
Lyutikova E. A. v. 1: 696
Malafeev A. Yu. v. 1: 441
Malykh V. A. v. 2: 65
Mayorov V. v. 2: 34
Menshikov I. L. v. 1: 254
Meyer C. M. v. 2: 89
Mingazov N. R. v. 2: 22
Misyurev A. v. 1: 548
Mukhin M. Yu. v. 1: 254

Mustajoki A.	v. 1: 453	Sheremetyeva S. O.	v. 1: 573
Mustakimova E. G.	v. 1: 388	Shmelev A. D.	v. 1: 584
Muzychka S.	v. 1: 468	Sizov V. G.	v. 1: 62
Nedoluzhko A.	v. 1: 474	Smirnov I. V.	v. 1: 560
Nikolaeva Y. V.	v. 1: 488	Solovyev D. A.	v. 2: 76
Ning Tao	v. 1: 202	Sorokin A. A.	v. 1: 398
Novák M.	v. 1: 474	Tarasov D. S.	v. 1: 595, v. 2: 53
Nosyrev G. V.	v. 2: 145	Tatevosov S. G.	v. 1: 272
Paducheva E. V.	v. 1: 500	Timoshenko S. P.	v. 1: 62
Panchenko A. I.	v. 2: 89, 106	Toldova S.	v. 1: 474
Panicheva P. V.	v. 2: 1	Turdakov D.	v. 2: 34
Paperno D.	v. 2: 89	Tutubalina E. V.	v. 2: 3, 22, 65
Pasyukov A. V.	v. 1: 169	Uryson E. V.	v. 1: 603
Piontkovskaya I.	v. 1: 369, 468	Ustalov D. A.	v. 1: 616, v. 2: 89
Piperski A. Ch.	v. 1: 515	Vasilyev V. G.	v. 2: 76
Pleshko V. V.	v. 2: 44	Veprva I. T.	v. 1: 453
Podlesskaya V. I.	v. 1: 523	Vilinbakhova E. L.	v. 1: 626
Polyakov P. Yu.	v. 2: 44	Vishneva E. A.	v. 1: 560
Ponomarev S. V.	v. 1: 536	Yakovleva I. V.	v. 1: 639
Popov A. M.	v. 2: 1	Yanko T. E.	v. 1: 651
Protopopova E.	v. 1: 548	Zagulova M. A.	v. 2: 65
Romanov P. V.	v. 2: 106	Zakharov V. P.	v. 1: 667
Rubtsova Y. V.	v. 2: 3	Zalizniak Anna A.	v. 1: 683
Selegey V. P.	v. 1: 169, 398	Zimmerling A. V.	v. 1: 696
Sharoff S.	v. 1: 398	Zinina A. A.	v. 1: 308
Shelmanov A. O.	v. 1: 560		

Научное издание

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии

По материалам ежегодной
Международной конференции «Диалог»

Выпуск 14 (21). 2015

Том 1. Основная программа конференции

Ответственный за выпуск **А. А. Белкина**
Вёрстка **К. А. Климентовский**

Подписано в печать 08.05.2015
Формат 152 × 235
Бумага офсетная
Тираж 250 экз. Заказ № 52

Издательский центр «Российский
государственный гуманитарный университет»
125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 499 973 42 06

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии
ООО «Издательско-полиграфический центр Маска»
117246, Москва, Научный пр-д, д. 20, стр. 9